

**ПАРАДОКС СЛОВА:
РАЗМЫШЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ФОН ВРИГТА
О ГЕТЕРОЛОГИЧЕСКОМ ПАРАДОКСЕ**

С.К. Черепанов

Статья посвящена анализу предложенного фон Вригтом объяснения гетерологического парадокса. Автор раскрывает неоднозначность выводов, к которым пришел фон Вригт, и предлагает собственную версию, высвечивающую двусмысленности, от которых дистанцировался фон Вригт. В итоге формулируется своеобразный архетип семантических парадоксов – парадокс несамотождественности, который предлагается считать «визитной карточкой» слова как лингвистического феномена.

Ключевые слова: неопределенность, несамотождественность, существенная отрицательность, семантический парадокс

В статье о гетерологическом парадоксе [1], который чаще именуется антиномией Греллинга – Нельсона (Г-Н), известный финский логик Г. фон Вригт после детального исследования парадоксальной ситуации приходит к следующим выводам: «Антиномии, насколько мы их знаем, не указывают на какую-то болезнь или недостаток в законах мышления (1). Они не являются результатом ложного рассуждения; они являются результатом правильного заключения из ложных посылок (2). Антиномии логики не требуют никакой “общей теории” для своего разрешения, будь то доктрина различия логических типов, принцип Порочного Круга или некоторые другие ограничения на определения понятий (3)» [2].

Если с первым из этих выводов еще можно согласиться, то обе следующие сентенции вызывают недоумение. Получается, что все те исследователи, достижениями которых гордится логическая наука, не смогли распознать ложность каких-то допущений? Факт, мягко говоря, сомнительный. Третье из перечисленных утверждений фон Вригта сделано «в пику» известному замечанию А. Френкеля и Й. Бар-Хиллела, которые, анализируя ширящееся море публикаций, затрагивающих антиномии, вынуждены были констатировать: «...Большая часть

© Черепанов С.К., 2011

этой литературы посвящена частичным решениям различных антиномий, не указывающим никакого общего методологического пути и частично противоречащим друг другу» [3]. В качестве возможного методологического пути Френкель и Бар-Хиллел как раз и упоминают те «общие теории», которые фон Вригту представляются ненужными.

Позволим себе заметить, что используемое фон Вригтом словосочетание «антиномии логики» в определенном смысле девальвирует содержание третьей сентенции, которая обретает черты фантазмагории. С одной стороны, вроде как есть логическая теория, призванная описывать правильные выводы, т.е. спецификацию законов логики в виде некоторой формальной системы, для чего вовсе не требуется упоминать антиномии. С другой стороны, есть какая-то «другая» логическая наука, в которой понятие правильности сопряжено с понятием истинности, а потому возможность использования ложных посылок должна исключаться. Для этой «другой» логической науки проблема антиномий оказывается важной и существенной (что, в общем, признает и сам фон Вригт в предварительном обращении к читателю). Ощущение своеобразной раздвоенности не покидает на всем протяжении чтения статьи фон Вригта. Мы хотим, во-первых, разобраться в том, что действительно сделал фон Вригт в плане решения Г-Н, а во-вторых, понять, насколько справедливы его общие выводы, которые были процитированы выше.

Фон Вригт начинает анализ гетерологического парадокса с напоминания о том, что он является разновидностью семантических антиномий: «...их называют семантическими, т.к. они касаются связи выражений языка с их значениями. Выражения языка, которые имеют отношение к данному парадоксу – это слова, а их значения – это свойства» [4]. Автор предупреждает, что он не собирается считать понятие слова проблематичным. Для него очевидно, что слова, с одной стороны, именуют свойства, а с другой стороны, сами могут иметь свойства и потому рассматриваться как предметы – носители свойств. («Я полагаю, что слово может считаться своего рода предметом, или вести себя подобно предмету» [5]).

Далее вводится следующее определение: слово, имеющее свойства, именем которого оно является, называется автологическим. Слово, не являющееся автологическим, считается гетерологическим. Собственно парадокс возникает при попытке получить определенный ответ на вопрос, обладает ли слово «гетерологическое» свойством гетерологичности. Впрочем, такое описание антиномии фон Вригт называет

безалаберным. Безалаберность требует скрупулезного выяснения тех обязательств, которые мы на себя берем, приходя к постановке провокационного вопроса.

В частности, фон Вригт полагает, что вводя более общее определение автологичности (соответственно, гетерологичности) в виде « X является автологическим, если и только если X имеет свойство, именем которого является X », следует озаботиться: 1) введением определенной трактовки области определения X ; 2) выявлением того, является ли X именем свойства; 3) установлением, именем какого свойства является X ; 4) выявлением того, имеет ли X это свойство. Аналогичные вопросы адресованы и к гетерологичности: 1) является ли «гетерологическое» именем свойства; 2) именем какого свойства является «гетерологическое»; 3) имеет ли гетерологичность какое-нибудь свойство, именем которого она является (наряду с ним самим)? Сделав эти педантичные оговорки, по поводу которых можно только поудивляться (кто и по каким критериям будет все это устанавливать?), автор приводит небезалаберный вариант парадокса, когда из некоторых вполне определенных посылок логики следует противоречие. «В действительности мы доказали истинное утверждение: если “гетерологическое” именуется свойство, которое предмет имеет, если и только если он не является автологическим, то “гетерологическое” является гетерологическим, если и только если оно не является гетерологическим. В пропозициональной записи: $p \rightarrow (q \leftrightarrow \neg q)$ » [6].

Дальнейшие рассуждения фон Вригта направлены на то, чтобы убедить читателя в ложности p . Исследователь полагает, что p ложно, потому что свойство, которое якобы имеет предмет, не будучи автологическим, не существует: то, что предмет не является автологическим, не составляет свойство этого предмета. Слово «гетерологическое» не потому гетерологично, что не имеет свойства, которое именуется, а потому, что вообще не именуется никакого свойства. Естественным, по мнению фон Вригта, возражением против квалификации слова «гетерологическое» как имени свойства является то, что это приводит к противоречию [7].

Каждый волен сам выбирать, как относиться к подобным прозрениям. Нам они представляются весьма загадочными. Фон Вригт не хочет, как кажется, видеть и обсуждать главное – правомерность рассмотрения лингвистических сущностей (имен) в контексте свойств и отношений, специфицирующих внелингвистическую реальность. Справедливо подчеркнуть, что слово не всегда является предметом (рав-

но как и мыслью = свойством предмета), он не пошел дальше – не поставил вопроса, в каких ситуациях предметное рассмотрение языка имеет право на существование, а в каких оно абсурдно.

Приведем высказывания исследователя. «Мы могли бы сказать, что слово “гетерологическое” ведет себя подобно предмету до особого момента, а именно до того момента, когда мы приписываем этому слову свойство, которое оно именуется» [8]. Если слова могут рассматриваться в качестве предметов до некоторого момента, то чем же они являются сами по себе, т.е. за пределами предметных ролей? Казалось бы, следует озаботиться проблемностью слова, но фон Вригт предумышленно отверг такое развитие событий: «Я здесь не буду считать понятие слова проблематичным» [9]. Но может быть, мы удовлетворим любопытство, обратившись к понятию предмета? Увы! Нас ожидает разочарование: «Предметом может быть все, чему какое-нибудь свойство можно осмысленно приписать... Я думаю, что этот ответ наиболее правилен, несмотря на неопределенность и неясность понятий предмета и трудностей, которые могут быть вызваны представлением о совокупности всех предметов» [10].

Можно думать, что предикация свойств предметам, как и различие предметов и свойств, является интуитивной, базисной способностью человека и не нуждается в логическом объяснении. Ничуть! Понятие свойства столь же туманно, как и слово, как и предмет: не все, что выглядит как свойство, обладает «звучанием свойства», является таковым. Таким образом, методологический пафос фон Вригта свелся к констатации «скользкости» того категориального инструментария, который предпослан логике в качестве предварительного знания.

Исходя из этого, мы не можем достоверно что-либо утверждать, опираясь на эту «скользкую» двусмысленность. В частности, не следует считать обоснованным ни тезис об истинности импликации $p \rightarrow (q \leftrightarrow \neg q)$, ни утверждение о ложности p . Да и что, собственно говоря, может означать эта «ложность», в чем заключаться, если мы сами придумали название «гетерологичность» и сами оговорили его применимость?

Может быть, под «ложностью» p следует подразумевать ситуацию отступления от правил определения, коль скоро содержание p представляет собой обычное определение (конвенцию), которое не должно оцениваться в терминах истинности? Приняв эту трактовку, мы действительно можем отметить «слабости» p : определение через отрицание (гетерологическое – это неавтологическое) и отсутствие четкой грани между номинальным и реальным статусами определяемого содержа-

ния, из-за чего возникает смешение лингвистической и внелингвистической реальностей. Такое смешение (точнее, подмена) совершается в тот момент, когда фон Вригт отграничивает имя свойства от самого свойства, так что определение понятия гетерологичности оказывается применимым и к «словесной оболочке» этого понятия – к слову «гетерологическое», которое начинает фигурировать в структуре определяющего, создавая эффект «порочного круга»: «Гетерологическое» является гетерологическим ↔ “гетерологическое” не является автологическим. Используя содержание автологичности, получаем: “гетерологическое” является гетерологическим ↔ “гетерологическое” не именует свойства, именем которого является “гетерологическое”» [11].

Затем фон Вригт вводит интенциональные эквивалентности: «...Говорить, что “гетерологическое” является гетерологическим равносильно высказыванию, что “гетерологическое” не имеет свойства, которое оно именует. Но говорить, что “гетерологическое” имеет свойство, которое оно именует, также равносильно высказыванию, что “гетерологическое” является гетерологическим» [12]. Подобная ситуация, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что условие истинности *p* противоречиво; стало быть, *p* ложно.

В действительности же мы получили свидетельство того, что тезис «гетерологическое» является гетерологическим» можно трактовать в двух противоположных смыслах, и каждый из них имеет право на существование, поскольку опирается на традиции, сформировавшиеся в ходе эволюции нашего коммуникативного поведения. А тот факт, что иногда некоторые из этих традиций выглядят несогласованными, не отменяет и не сужает эти традиции. Мы можем только посочувствовать отсутствию четкости границ некоторых наших навыков, из-за чего возможно смешение разнокачественных определенностей.

Непосредственно в самом анализе фон Вригта, воспроизведенном выше, невозможно усмотреть причину ложности *p*. Иными словами, у нас нет оснований, чтобы отвергнуть определение гетерологичности и констатировать: неверно, что «гетерологическое» именует свойство, которое имеет предмет ↔ он не является автологическим. Мы можем лишь сомневаться, что не очень хорошо понимаем все составляющие этого определения: что такое «именование некоторого свойства», что значит «предмет имеет свойство», в каком случае слово именует нечто отличное от себя, а в каком – нет и т.п. Но ведь все это относится к языковой практике вообще, а не только к данному конкретному случаю. От недостаточного понимания ее механизмов наш языковой на-

вык не становится менее эффективным! Так что утверждение фон Вригта о ложности посылок гетерологического парадокса выглядит неубедительным. Конечно, все понимают, что в антиномиях «что-то не так». Но назвать ложным то, что либо вообще не осознано, либо осознается с большим трудом, никому в голову не приходило.

Чтобы избежать «греха безалаберности», воспроизведем ход рассуждения фон Вригта в «символическом режиме».

(а) В исходное определение « X является гетерологическим (Γ) $\leftrightarrow X$ не является автологическим (A)» производим подстановку вместо X имени свойства гетерологичности, т.е. « Γ ».

(б) Получаем: « Γ » есть $\Gamma \leftrightarrow$ « Γ » не есть A .

в) Следующий шаг связан с введением реального определения свойства Γ как не- A : быть Γ значит не иметь свойства, именем которого является « Γ ». Символически:

« Γ » есть $\Gamma \leftrightarrow$ « Γ » не есть имя свойства, именуемого « Γ ».

О каком свойстве здесь идет речь? Достоверно знать этого мы не можем! Тут критика безалаберной редакции Γ -Н весьма к стати. Противоречие в этом случае возможно лишь при выполнимости дополнительного условия о том, что в правой части эквивалентности речь идет о номинальном понимании свойств, т.е. о нетривиальном допущении, что обозначение или именование (переименование) не несет информативной нагрузки. Вот, мол, предикация информативна и несет в себе новое знание, а обозначение эпистемически нейтрально!

г) Принимая эти неочевидные допущения, мы можем установить окончательное символическое изображение полученного ранее результата в виде « Γ » есть $\Gamma \leftrightarrow$ « Γ » не есть « Γ ».

Заметим, что (г) не является формальным противоречием, хотя и может обрести подобный статус при двух условиях: 1) если имена логически неотличимы от именуемых объектов; 2) если понятия и слова, выражающие эти понятия, графически эквивалентны. Обычно оба этих допущения в той или иной степени принимаются логикой как необходимые для решения стоящих перед нею проблем, связанных с концептуализацией различных форм определенности. Хотя при желании можно усмотреть здесь отождествление эмпирического с логи-

чеким, онтологического с методологическим, существования с определенностью и т.д.

С другой стороны, г) может трактоваться как разновидность истинного выражения вида И—И, если принять во внимание, что, во-первых, имя, вообще говоря, является сущностью совершенно иной, не объектной природы, относительно которой не обязан выполняться закон тождества; во-вторых, не всякое выражение свойства может считаться его именем. Подробности будут рассмотрены ниже.

В целом же из вышеизложенного вытекает неубедительность фон-вригтовских предположений о ложности *p*. В качестве краткого резюме констатируем следующее.

А. Ложность *p* осталась недоказанной: заключительное выражение (г) не является логически противоречивой конструкцией, его с равным правом можно рассматривать как истинное и как ложное утверждение, а значит, оно не является ни логически истинным, ни логически ложным высказыванием. Подобное выражение правильнее назвать неразрешимым.

Б. Если внимательно подойти к выводу (а) – (г), то легко заметить, что его парадоксальность сводится к простой констатации возможности рассуждать о содержании некоторого свойства, точного имени которого упомянуть нельзя (и не нужно, так как неизвестно, для решения какой задачи это необходимо). Фактически речь идет о возможности кодификации и оценивания рассуждений, содержащих переменные выражения (переменные для предикатов). На основе этой возможности построена, между прочим, вся символическая логика (хотя некоторые предпочитают подчеркивать, что речь идет о второпорядковой логике, как будто есть некая неустранимая разница в понимании различия констант и переменных между первым и вторым порядком). Естественно, что главной методологической проблемой в подобной ситуации становится процедура подстановки (шаг (б)) имени (константы) вместо переменного.

В. Допущение *p*, которое фон Вригт пытается опровергнуть как ложное, как раз и является допущением об осуществимости процедуры подстановки. Однако парадоксальность ее последствий дает основание задуматься об условиях применимости акта подстановки, не отвергая саму его возможность. Способность рассуждать о содержании свойств, игнорируя их непосредственные имена, не запрещает и не обязывает пользоваться именами. Но логическая традиция подталкивает к этому, вследствие чего парадоксальная ситуация косвен-

но намекает на существование границ, за которыми логическая традиция становится неэффективной.

Конечно, между традиционным логическим каноном и возможностью рассуждать о свойствах предметов, игнорируя имена этих свойств, имеется существенное различие. Канон позволяет просто не принимать во внимание акты именования, но не отказывается от них; парадокс же предостерегает от попыток «вплетать» имена (акты именования) в ход логических рассуждений, касающихся предметов и их свойств. Например, если мы конституируем дихотомию $P(x) \quad \neg P(x)$, а затем попытаемся решить, к какой категории следует отнести обозначение « $P(\)$ », то скорее всего попадем в неразрешимую ситуацию.

Можно приводить много примеров, иллюстрирующих существование нетривиальных проблем, связанных с попытками учета лингвистического фактора в русле формально-логических построений. Не отказываясь в дальнейшем от уточнения и анализа подобных проблем, что требует неоднократного к ним возвращения, мы теперь переведем наше исследование в более конструктивное русло. Попытаемся, во-первых, более адекватно сформулировать проблемы, с которыми приходится сталкиваться в ходе анализа Г-Н и других семантических парадоксов, и, во-вторых, наметить приемлемые пути их решения. В итоге мы сформулируем своеобразный архетип семантических антиномий, обозначенный нами как «парадокс Дингельштедта».

По-видимому, главным недостатком произведенного фон Вригтом анализа гетерологического парадокса является его нарочитая незавершенность. Варьируя и повторяя тезис о том, что «гетерологическое не есть свойство», что «свойства с таким описанием не существует», что «то, что предмет не является автологическим, не составляет свойства данного предмета», что «“гетерологическое” ничего не именуется» [13] и т.п., фон Вригт не счел нужным задаться вопросом: что вообще может означать ситуация, когда

Нечто, звучащее или выглядящее как свойство,
в действительности свойством не является? (1)

Если бы фон Вригт озаботился рассмотрением подобной общей ситуации, читателю не пришлось бы ломать голову, соображая, что же автор хотел сказать в своем объяснении парадокса, которое, к слову, выглядит едва ли не более загадочным, чем сам парадокс.

Конечно, фон Вригт все же размышлял о данном им объяснении, но не рискнул ввести свои размышления в основной текст статьи. Он поделился с читателем итогами этих раздумий в Приложении 2. Здесь автор предложил считать псевдосвойства, подобно гетерологичности имманентно содержащие момент отрицания, явлением «существенной отрицательности». «Можно сказать, что антиномии Греллинга, Рассела и Лжеца устанавливают или демонстрируют “существенную отрицательность” некоторых понятий. Однако это не позволяет сказать, что понятие существенной отрицательности могло бы быть использовано, чтобы “объяснить” или “разрешить” антиномии» [14]. Не желая ни уточнить, ни объяснить смысл этой новации, фон Вригт вынужден заявить, что только наличие парадокса позволяет говорить о существовании подобного свойства: вне парадоксов оно не обнаруживается.

В отличие от фон Вригта мы не видим смысла в том, чтобы отказываться от анализа общего тезиса, и потому открыто сформулируем те проблемы, которые возникают перед исследователем, сталкивающимся с ситуацией, когда «нечто выглядит как свойство, но свойством не является», т.е. с (1).

Прежде всего, это проблемы, касающиеся категории предметов и свойств, т.е. природы субъектно-предикатной определенности языка. Затем это проблемы, связанные с пониманием феномена именованного, или обозначения, а также нюансы, конституирующие различие между выражением свойства и его именованном. Легко убедиться, что мы перечислили как раз те проблемы, от обсуждения которых устранился фон Вригт, выдвигая собственное объяснение антиномии Г-Н.

Если начать рассматривать (1) сквозь призму проблем, касающихся категории предметов и свойств, то бросается в глаза тот факт, что гетерологический парадокс принуждает рассуждать об отсутствии некоторого свойства (автологичности) как о некотором предметном свойстве (гетерологичности). Использование отрицательных качеств в роли конституирующего начала прослеживается и в других парадоксах, причем не только семантических, например в парадоксах Лжеца, Рассела (Р), Ришара – Берри (Р-Б).

Следует, правда, упомянуть, что в перечисленных парадоксальных ситуациях мы имеем дело не просто с использованием отрицательности в качестве полноценной языковой конструкции, но с эффектом опредмечивания отрицательных свойств. В частности, называя некоторые слова автологическими, мы зачисляем их в категорию предметов, так как понятие свойства предполагает существование предмета – носителя

свойств: у ничего, как известно, не бывает свойств. Но лингвистическая природа слов как набора букв требует рассмотрения их только в качестве инструментального вспомогательного средства, которое не следует онтологизировать, уподобляя внелингвистической реальности.

Однако совсем перекрыть возможность рассматривать слова, кодирующие предметы и свойства, в качестве предметов и свойств мы не можем. На этом и строится опредмечивание языковых конструкций. Опредмечивание в общем случае представляет собой эффект превращения свойства предметов в новый предмет: белого цвета в белизну и т.п. Языковая стихия (= вседозволенность) отодвигает на задний план все конвенции и традиции, ассоциируемые с логическим мышлением. В результате привычное и относительно контролируемое деление на субъект и предикат неограниченно унифицируется, переходя из свойств предметов в свойства свойств, свойства свойств свойств и т.д. Отрицание свойства в этом ряду есть «второпорядковое» свойство, которое можно снова мыслить как некий предмет. Ничто не препятствует в этом случае тому, чтобы рассматривать в качестве предмета, к примеру, небытие, равно как и интересоваться, обладает ли оно свойством существования.

Несложно убедиться, что наш тезис (1) включает в себе интенцию ограничений в отношении безудержного опредмечивания. Фактически (1) содержит предостережение против автоматического рассмотрения актов словотворчества в качестве онтологического феномена. Подобные призывы постоянно звучат в философии математики. «...Когда объектам теории приписываются определенные имена, то в результате они обретают новое свойство: именоваться так-то и так-то. Это свойство ничего общего с онтологией не имеет» [15].

Чтобы сделать тезис (1) более прозрачным, т.е. конкретизировать неявно подразумеваемое различие между категориями предмета и свойства, мы слегка видоизменим его формулировку, придав ей следующий вид:

Не всегда языковое выражение свойства может рассматриваться как имя свойства, которое выражается. (1*)

Теперь предостережение против неограниченного опредмечивания связано с отказом от зачисления словесного выражения свойства в категорию предметов. А подобное зачисление происходит всегда, когда мы отождествляем словесное выражение с именем чего-то внелингвистического [16]. Поэтому достаточно положить, что восприятие

словесного выражения в качестве имени не реализуется автоматически, и мы де-факто перейдем в русло ограничительных методологических установок – ведь предмет входит в сферу мышления благодаря имени. Заметим, что хотя тезис (1*) и есть проявление ограничительной идеологии, все же в явном виде он не содержит определенных ограничений. Этот тезис позволяет плавно перейти от проблем субъектно-предикатной структуры мысли к проблемам, связанным со спецификой языкового фактора в целом, т.е. к проблеме слова и имени как логическому феномену. Но прежде чем начать разговор об этом, укажем на ряд интересных особенностей (1*).

Вообще говоря, содержание (1*) допускает несколько различных истолкований. В ситуации, когда «языковое выражение свойства не может идентифицироваться с его именовани^{ем}», можно усматривать намек на различие смыслового и предметного значений языковых выражений. Вспомним хрестоматийный пример Рассела с королем Георгом, который хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором «Уэверли».

Целый ряд интерпретаций (1*) связан с конкретизацией его содержания. Несложно привести пример, когда словесное выражение свойства, ассоциируемого с некоторым классом предметов, не может быть обозначением (именем) какого-либо конкретного предмета. Таким, в частности, является свойство необозначенности, обыгрываемое в антиномии Р-Б.

Очевидно, выражение данного свойства может выглядеть как имя, но не может быть самим именем, ибо это противоречит смыслу, ассоциируемому с данным свойством. Более утонченная версия этой проблемной ситуации связана с обращением к некоторому мысленному представлению о конкретной предметной области – множеству натуральных чисел N . Пытаясь *уточнить* феномен необозначенности за счет воображаемого выделения наименьшего из не обозначенных на сей момент чисел, получаем так называемое «ришарово число», которое нельзя без противоречия отнести ни к обозначенным, ни к необозначенным числам (парадокс Р-Б). Следовательно, не всегда желание уточнять оказывается безобидным. Квантовая физика вообще откровенно издевается над этой привычкой.

Еще один пример, когда выражение свойства не совпадает с его именем, связан с обращением не к определенной предметной области, как в ситуации Р-Б, а с попыткой уточнить представление о реальности самого предметного универсума, т.е. к интенции возможности рассмотрения свойств как спецификации самого сущего. Здесь мы «в лоб»

сталкиваемся с «принципом предметности», воплощенным в виде знаменитой аксиомной схемы свертывания – «свойство определяет множество»: $\exists(y)\forall(x)(x \in y = P(x))$.

Как и в предыдущем случае, именование позволяет конституировать такую разновидность сущего (y), относительно которой исходное свойство $P(x)$ может оказаться противоречивым (например, в случае свойства «нормальности множеств»). Это – парадокс Рассела.

Запретить возможность опредмечивания свойств, очевидно, невозможно. А поскольку предмет конституируется посредством имени безотносительно каких бы то ни было его отношений к иным предметным сущностям, постольку нельзя запретить и дальнейшие испытания относительно присущести ему каких-либо уже открытых свойств (хотя именно «дальнейшие испытания» приводят к парадоксальным последствиям).

Резюмируя сказанное, подчеркнем: нет и не может быть никаких препятствий к тому, чтобы рассматривать свойство предмета в виде предмета, коль скоро в языке сформировались соответствующие механизмы. Опредмечивание свойства – не более чем акт концентрации внимания на свойстве как таковом независимо от его носителя.

Проблемы же возникают из-за неконтролируемости «внелингвистического продолжения», которое оборачивается субстанциализацией свойств. В результате предмет внимания становится объектом, т.е. самостью, с которой ассоциируется не исчезающее структурирование внешней среды. В итоге невинная возможность рассмотрения свойств в качестве субъекта мысли, выступающая как частный случай знакоконструирования, трансформируется в «вещное бытие», в акт объектоконструирования.

Исследователи, конечно, давно осознали эту ненормальность, хотя не склонны отказываться от креационизма, утешая себя доводами двух типов: а) общефилософским бессилием в отношении собственно онтологических проблем; б) «обрядом» обязательного доказательства существования опредмеченной сущности.

Порочность подобных доказательств стала, по-видимому, главной подоплекой «интуиционистского бунта» и последующего появления конструктивистской математики, оказавшейся первой попыткой теоретизации знакоконструирования, т.е. попыткой концептуализации языкового фактора в контексте собственно логического анализа. При этом в качестве метафорического образа языка выступало понятие вычислимости, а вместо принципа «логического всеведения», игнорировавшего имманентные языку процедурные моменты, на передний план

выходило понятие конструктивного доказательства, основанное на принципе потенциальной или даже фактической осуществимости. Представляется, что конструктивизм может рассматриваться как хотя и косвенная, но результативная попытка концептуализации языковой деятельности, попытки же прямого штурма «языковой крепости» терпели и терпят фиаско. Имеются в виду различные подходы к экспликации референтативной функции языка начиная от философских программ вроде реизма Котарбиньского и кончая теориями «частичного указания» Филда, Девитта, Файна и др. [17].

Не вдаваясь в анализ и объяснение причин этих неудач, приведем в качестве резюме ремарку А. Левина: «В отказе от анализа общего понятия знака и значения есть значительные преимущества... *поскольку введение максимально общего понятия знака постоянно наталкивается на серьезные логические и эпистемологические затруднения, которые полностью еще никому не удалось преодолеть* (курсив наш. – С. Ч.)» [18].

По-видимому, фон Вригт солидаризировался с такой позицией. Во всяком случае, он сделал все, чтобы при объяснении парадокса, связанного с использованием имен в качестве значимого фактора логического анализа, уйти от какого бы то ни было упоминания о специфике языкового знака как такового или вынести его за скобки. Нет ее, этой специфики: языковые образы или имена вещей суть такие же вещи, как гвозди, кучи, кирпичи и прочие отходы человеческой жизнедеятельности! Такова парадигма всей логической семантики, чьи сторонники уверовали со времен Фреге, что она якобы имеет дело с *искусственным языком* – таким податливым полуфабрикатом, который то ли уже полностью очистился от язв естественного языка, то ли еще на пути к этому. Если подобные представления могут быть уместны, когда возникают проблемы сравнения различных «строгих языков» друг с другом, то при исследовании лингвистического фактора как такового игнорирование его сущностной характеристики недопустимо.

Между тем последовательное развитие намеченного фон Вригтом объяснения парадоксальности Г-Н, связанной с использованием представления о существенной отрицательности, позволяет напрямую подойти к раскрытию качественной специфики категории имен (феномена знаковости = отношения обозначения, или name-relation, $n = r$). Покажем, как это может быть реализовано в контексте излагаемого нами подхода.

С этой целью вернемся к ранее сформулированным претензиям по поводу возможностей неограниченного опредмечивания и конкретизируем тезис (1*) следующим образом:

Ситуация, когда выражение свойства совпадает с его именем или обозначением, имеет место в отношении (1**) самих свойств, но не распространяется на их отрицания»

Справедливо и противоположное: опредмечивание отрицательных свойств не может распространяться на само отрицаемое.

Тезис (1**) уточняет ранее высказанную мысль о недопустимости субстанциализации отрицания, которое приводило бы к смешению логического и онтологического, существования и определенности и т.п. Ответственность за подобное смешение нужно возложить на введенную Фреге стандартную семантику, где в качестве элемента предметной области наряду с истиной фигурирует предмет ложь (в прямом противоречии с условиями (1**)). Опредмечивание свойства ложности в этом случае оправдывает постановку вопроса о том, обладает ли предмет ложь свойством ложности. А это равносильно неявному введению антиномии Лжеца в качестве основания современной логической семантики, ведь ни ложь, ни ее отрицание – истина не могут характеризоваться свойством ложности! Соответственно, не может быть и логического субъекта, идентифицируемого этим свойством.

Казалось бы, следует отказаться от стандартной семантики или хотя бы модифицировать ее. По этому пути пошла вся неклассическая логика, не отдавая себе отчета в том, что вместе с девальвацией истинности рухнет и весь операциональный ресурс, базирующийся на принципе бинарной оппозиции. К такому повороту она оказалась неготовой. И что теперь делать, никто толком не знает.

Мы, однако, не видим в этом (т.е. в ситуации Лжеца) никакой катастрофы. Фактически от нас не требуется ничего экстраординарного помимо решения дополнительной задачи – логического оправдания стандартной истинностной семантики. Для ее решения необходимо не отказываться от семантических категорий, а реконструировать *возможность* их существования. Вместо готового класса L^2-I , нужно описать ситуацию его последовательного получения, т.е. последовательного расширения класса доказуемых формул начиная от некоторого исходного класса, олицетворяющего минимально непротиворечивые выражения. Подобная реконструкция была осуществлена нами ранее [19], и здесь мы не будем вдаваться в детали.

Конкретизируя (1*)–(1**), можно было бы акцентировать внимание на недопустимости опредмечивания отрицания некоторого свойства, например $\sim P(x)$, в контексте тех обстоятельств, при которых осуществля-

ется опредмечивание самого $P(x)$ (пусть это будет тезис (1***)), что влечет за собой признание алгоритмической неразрешимости проблемы выполнимости для $P(x)$. Но как бы мы ни уточняли смысл вводимых ограничений, мы не сможем запретить полет фантазии, благодаря которому любой акт языковой активности может ассоциироваться с name-relation, т.е. с конституированием некоего предмета мысли.

Даже выражая свойство *отсутствия обозначения*, мы конституируем предмет мысли, т.е. нечто обозначаемое, или именуемое. Единственным выходом в сложившейся ситуации может быть только явное введение в инфраструктуру нашего логического инструментария феномена имени (обозначения) в качестве особого, ни с чем не сопоставимого и ни к чему не сводимого рода сущего. Решающую роль в реализации этого эвристического хода призвано сыграть прямое определение понятия существенной отрицательности.

Определение [20]:

Под существенной отрицательностью будем понимать такое проявление отрицания, которое «не нуждается» (2) в самом отрицаемом.

Комментарий. Прежде всего заметим, что понятие существенной отрицательности (далее – *с.о.*) выступает как противоположность традиционному понятию отрицания, согласно которому отрицание всегда есть свойство (функция), выражающееся в частичной дезавуации некоторой заранее введенной определенности, ассоциируемой с логическим субъектом (аргументом) как непосредственной данностью. Поскольку в традиционной логике любой предмет всегда мог рассматриваться в качестве свойства, постольку отрицание считалось выражением свойства (свойством свойств), так что отрицание предполагало существование отрицаемого.

Понятие *с.о.* демантирует подобную традицию. *С.о.* – это не частичное, не временное, не прагматическое, т.е. продиктованное какими-то сиюминутными обстоятельствами, игнорирование тех или иных признаков или свойств, ассоциируемых с предметом внимания исследователя. *С.о.* есть полное и абсолютное игнорирование какой бы то ни было определенности вообще. Предметом внимания становится сам факт отсутствия определенности, каковой, конечно, не может принадлежать к чему-либо определенному, а потому не может быть свойством или предикатом, хотя допускает предикатоподобное

звучание, как, например, свойство гетерологичности. Именно в этом смысле *с.о.* рассматривается как отрицание, не нуждающееся в отрицаемом [21].

Надо оговориться, что отсутствие определенности в традиционном понимании может иметь двоякое толкование: а) как невозможность какой-либо определенности, или противоречие; б) как неопределенность, или нечто, для которого открыта перспектива превращения в нечто определенное.

С.о. – это сознательный выбор неопределенности в качестве исходной данности. *С.о.* как неопределенность может быть истолкована как неразличимость субъекта и предиката, т.е. как отсутствие не только самой готовой мысли (суждения), но и ее составляющих (понятий). Конечно, отсутствию определенности не может что-либо предшествовать; в этом смысле у нее как отрицательности нет отрицаемого.

Неопределенность в этом контексте может трактоваться и как субстанция, и как акциденция (свойство отсутствия определенности), не будучи в точности ни тем, ни другим в отдельности.

Отметим, что такая диспозиция характерна не для эпистемологии науки, имеющей дело по преимуществу с перерастанием донаучного знания в научное, а скорее для философии познания (гносеологии). Именно последняя озабочена общей проблемой превращения незнания в знание, т.е. становлением определенности в предельно широком смысле слова, что не позволяет рассматривать определенность в качестве исходного начала. Любопытно, что философия математики в своем развитии движется в сторону философии познания. Это свидетельствует о том, что эпистемология науки, не доводящая свой ракурс до «гносеологического приближения», остается в некотором смысле неполноценной.

Действительно, последовательное устранение различных проявлений объектной определенности, связанное с погружением в основания математики, приводит исследователей к пониманию того, что утрату определенности следует расценивать как достижение математической мысли, а не ее декаданс [22]. В этом нет ничего неожиданного, если учесть, что в основаниях математики доминирует тенденция к унификации предметных областей различных теорий, результатом чего становится факторизация математического существования и непротиворечивости. Об этом написано немало работ и по этому поводу сломано немало копий. Оставляя все это за скобками, подчеркнем главное: в контексте оснований математики неопределенность, понимаемая как

антипод противоречию, оказывается желательным явлением, вызывающим стремление к ее сохранению, а не элиминации.

Разумеется, важна не декларация «о правах неопределенности», а реализация этих прав в конкретных построениях. Здесь почти нетронутая целина. Если не апеллировать к интуиционистской логике с ее инфинитарной семантикой, то единственным заметным явлением оказывается школа П. Вopenки и его соратников [23]. Считаем полезным привести выдержки из книги Вopenки, важные для понимания последующего содержания этой статьи.

По мнению Вopenки, «мир надо брать таким, каким он нам является, т.е. вместе с нечеткостью» [24]. Нечеткость как объективный феномен должна быть воспроизведена в краеугольных принципах любого теоретизирования относительно предметной области.

Апеллируя к нечеткости, можно избавиться от отупляющего структурализма, позволяющего бесконечно редуцировать сложное к простому. «...Мы можем представлять все сообщества объектов и, значит, и весь реальный мир как сообщества каких-то низших объектов. Эти последние уже не могут иметь различное содержание, ибо в противном случае они были бы представимы как сообщества еще более низших объектов... Некоторые утверждают, что такой процесс структурирования не имеет конца, однако умалчивают, для какой надобности они это утверждают...» [25].

«Если мы не допускаем нечеткости явлений реального мира, то целый мир предстает перед нами всего лишь как механистическая конструкция, которую можно задать единственным множеством» [26].

Особенностью вopenковского понимания нечеткости является ее неразрывная связь со сложностью. Существование сложности не отменяет продуктивности логического атомизма или аналитического метода в целом, базирующегося на абстракции отождествления (принципе самождественности, лежащем в основе закона тождества). «В нашем мировосприятии понимание самождественности играет ключевую роль. На него опирается наша уверенность, что мир вообще может быть отправным пунктом нашего познания как в своем постоянстве, так и в изменениях. Ведь меняться может лишь то, что при этом остается самим собой...» [27].

«Уяснение самождественности какого-то явления, т.е. понимание того, что в разных обстоятельствах мы имеем дело с тем же самым явлением, принадлежит к наиболее примечательным, но трудно определяемым способностям нашего восприятия» [28]. Тем не менее «мы стараемся представлять объекты как четкие явления, потому что лишь

в этом случае чувствуем себя вправе воспринимать их как нечто самостоятельное» [29].

В целом можно констатировать стремление Вopenки выстроить теорию нечетких феноменов (полумножеств) как разновидность теории неклассических объектов (своеобразную аберрацию классики). Нельзя не увидеть в подобном стремлении вариант объектоконструирования, т.е. проявление присущего эпистемологии науки объектоцентризма. Но ни откуда не следует, что научная рациональность исчерпывается объектоцентризмом. Несомненный интерес представляет не только построение моделей алгоритмов переработки информации, в ходе которой четкая определенность входных данных модифицируется в четкие формы выходной информации, но и сами возможные способы генерирования информации, т.е. процессы трансформации неопределенности в определенность. Очевидно, что подобные вещи несовместимы с объектоцентризмом.

Отказываясь от объектоцентризма, мы отказываемся от присущего ему принципа самотождественности, а стало быть, и от какой бы то ни было определенности в качестве исходной данности. При этом нет необходимости возрождать донаучную метафизику, приписывая исходной неопределенности некие таинственные или фантастические свойства. *Неопределенность как предпосылка всякой определенности (самотождественности) есть метафора языка на домыслительной стадии его функционирования.*

Естественный язык не может быть охарактеризован как нечто определенное по меркам обычной логики хотя бы потому, что всякая определенность выступает как ограниченность, а язык лишен ограниченности: даже факт отсутствия говорения оказывается языковым актом («Я молчу»). Можно сказать, что язык лишен отрицательности по той причине, что он сам по себе есть одна большая отрицательность, с существованием которой связано конституирование все новых и новых различий, олицетворяющих незавершенность всякого отдельного отрицания (неполноту определенности как таковой).

Для наших целей удобно в дальнейшем вместо общих разговоров о языке как дологическом феномене вести речь о специфике языкового знака, полагая, что все, что можно отнести к знаку (любое проявление *с.о.*), справедливо в отношении языка в целом. В этом смысле, продолжая предыдущие метафорические конструкции, можно было бы сделать философическое резюме: *семиотика – это третье, после Аристотеля и Гегеля, пришествие метафизики!*

Характеристическим свойством знака, его ноуменальным качеством является несамотождественность. Эта несамотождественность связана с тем, что сущностная социокультурная природа знаков никак не детерминируется природой их материального субстрата. Образно говоря, знак есть совсем не то, что он есть. Парадоксальные черты знаковости не единожды отмечались исследователями. Как правило, при этом задействовались такие словесные конструкции, как «играет роль» (не что, будучи знаком чего-то, как бы воплощает в себе его функциональные возможности), «указывает на что-либо». Иногда характеризовали знак с точки зрения его субстратных (чувственных) свойств, провозглашая «чувственно-сверхчувственной» данностью, и т.д. и т.п. Все подобные описания знака являются его контекстуальными определениями, каковые мы для краткости будем изображать в виде (2*).

В логике знаковые черты ассоциировались с введением переменной, позволявшей актуализировать представление о внелингвистической реальности через процедуру подстановки имен внелингвистических сущностей вместо переменных. Стоит обратить внимание на безобразно высокий уровень конвенциональности, используемый в подобных построениях. Переменная, будучи знаком имени, может быть замещена конкретным именем, но не может быть замещена знаком имени, так как в этом случае теряется различие феномена знаковости и конкретного обозначения, т.е. общего правила и его спецификации. Подобное различие целиком конвенционально, из-за чего мы никак не можем ввести какие-то общезначимые ограничения на «подстановочный произвол» и частенько попадаем в парадоксальные ситуации. Интуитивно мы понимаем, что какие-то ограничения необходимы, но сформулировать их в виде четкого условия или однозначно трактуемого требования не можем, так как это тут же «убивает» сам феномен знаковости, т.е. идею подстановки, превращая ее из общего правила в разряд исключений и случайностей.

То обстоятельство, что экспликация общего понятия знаковости предполагает, с одной стороны, способность отличать знак от обозначаемого во всех случаях жизни, а с другой стороны, требует умения не отождествлять идею знака с ее конкретной реализацией, т.е. с конкретным именем (= обозначением), вне сопоставления с которым общее «не живет», составляет главную трудность при экспликации категориальных основ семиотики.

Введенное выше понятие несамотождественности успешно справляется с обеими нагрузками. Несамотождественность открывает воз-

возможность принципиального размежевания с категорией объекта как носителя свойства самости или самоидентичности, и это понятие оказывается родовым в отношении более частных проявлений существенной отрицательности, как-то: а) необозначенности; б) невычислимости; в) неавтологичности; г) ложности (недоказуемости); д) безэлементности; е) нормальности множеств – и им подобных. Как видим, каждое из перечисленных понятий оказывается в центре соответствующего парадокса: (а) и (б) – в центре антиномии Ришара – Берри в двух ее вариациях, (в) – в центре гетерологического парадокса, (г) – в центре Лжеца, (д) – в центре антиномии Кантора [30], (е) – в центре парадокса Рассела. Этот факт можно изобразить в виде условной схемы:

$$A \neg \Pi_1, \Pi_2, \dots, \Pi_K \quad (3)$$

Здесь A – архетип парадоксальности, выступающий в виде несамотождественности, а Π_i – конкретное проявление парадоксальности в виде (а) – (е).

Понятие несамотождественности, будучи архетипом конкретных антиномий, также является антиномичным:

$$\text{несамотождественность не может быть охарактеризована свойством самоотождественности и не может олицетворять его отрицание.} \quad (4)$$

Справедливость (4) легко усматривается из следующих размышлений. Несамотождественность не может быть самоотождественной, так как это противоречило бы ее содержанию. С другой стороны, если бы несамотождественность обладала свойством несамотождественности, то сохраняла бы присущее ей содержание, т.е. была бы самоотождественной. Значит, она не может обладать свойством несамотождественности. Таким образом,

$$\text{для } A \text{ справедливо одновременно и } \sim (A=A), \text{ и } \sim (A \neq A) \quad (4^*)$$

Эффект парадоксальности, присущий феномену несамотождественности, мы называем «парадоксом Дингельштедта» – по имени человека, который первым начал обсуждать данную ситуацию. Заметим, что содержащийся в (4*) вывод нельзя рассматривать как нечто экстравагантное, идущее вразрез с общепринятыми логическими нормами. В действительности мы лишь подтвердили посредством простейшего

modus tolens, что несамотождественность (= *c.o.*) невозможно представить в категориях предмета и свойства, на базе которых сформирована вся логическая определенность. К подобному выводу фактически пришел и фон Вригт, столкнувшись с конкретным проявлением несамотождественности в виде гетерологичности. Однако он не решился сказать об этом прямо – сама мысль о том, что следом пришлось бы завести разговор о дологическом аспекте языка, по-видимому, пугала исследователя.

Отсюда неуклюжая попытка «спрятаться» за «ложное определение» в виде антецедента p в записи $p \rightarrow (q \leftrightarrow \sim q)$, критический анализ которой был осуществлен выше. И отсюда же совершенно справедливый тезис, что «парадоксы не угрожают логике». Действительно, не угрожают – они просто требуют демонстрации механизма возможности ее возникновения. Причем сам такой механизм должен иметь отчетливое логическое содержание, т.е. эксплицитную модель. Де-факто речь идет о модели возникновения определенности из неопределенности, характеризующей дологическую стадию развития языка. Но это уже тема другой работы.

В заключение, перед тем как кратко резюмировать итоги написанного, хотелось бы остановиться на двух моментах.

Первый момент состоит в том, что весь ход нашего исследования начиная от тезиса (1) и его последующих уточнений в виде (1*), (1*8), (1***), (2), (2*), (3) и кончая тезисом (4) можно рассматривать как подготовку к введению прямого определения категории имени (n-r).

Определение:

Нечто, имеющее вид свойства, но не являющееся свойством с точки зрения канонов субъектно-предикатной логики, особая предикатоподобная сущность, не являющаяся, однако, предикатом в смысле первопорядкового исчисления предикатов, есть имя. (5)

Строго говоря, (5) можно было бы ввести непосредственно вслед за (1), устранив кажущуюся логическую несообразность (1) ссылкой на дологический характер именованности. В этом случае (1*), (1**), (1***), (2), (2*) становились бы конкретизацией реальной парадоксальности феномена обозначения (именования), которая «ослепляет» при попытках логической характеристики несамотождественности.

Имя действительно ведет себя подобно свойству, т.е. всегда адресовано чему-то сущему (у ничего не бывает свойств), но оно никак не

выводится из природы последнего; оно как будто бы принадлежит некоторому предмету и одновременно, не будучи свойством предмета, не принадлежит ему, создавая почву для расселовской антиномии.

В русле критики объектоцентризма можно было бы сказать, что «отношение именованного» (п-г) вовсе не является отношением, так как исключает возможность единообразного представления его собственной структуры. Следуя примеру Вopenки, п-г можно было бы назвать полуюотношением (полуюотношением можно считать произвольное разнообразие, не аппроксимируемое никаким конкретным п, что не исключает возможности аппроксимации двумя или более п).

Второй момент, на котором хотелось бы остановиться, перед тем как завершить статью, заключается в следующем. Не стоит думать, что озвучив все то, что было «недосказано» фон Вригтом, мы что-то разрешили. Мы лишь констатировали, что парадоксы косвенно указывают на языковой фактор, который, будучи рассмотрен как самостоятельный (т.е. домыслительный) феномен, представляет собой образец отсутствия тех определенностей, с оперированием которыми ассоциируется «работа мысли». Язык – синоним вседозволенности и неопределенности, оказывающийся предпосылкой и условием возникновения мысли (которая является ограничением вседозволенности). Предпосылочность связана с актами обозначения, т.е. референтивной функцией языка, которую называют денотацией, именованьем и т.п. Однако сама по себе констатация этого еще не является разрешением семантических парадоксов, – имеет место лишь их *легитимация*.

Разрешение антиномий связано с реконструкцией процесса становления определенности, и само решение должно быть выражено в логическом словаре. Данное требование является весьма жестким: оно отфильтровывает все известные парадоксы, за исключением Лжеца. Лжец замечателен тем, что в нем нет надуманных искусственных «монстров» вроде гетерологичности. Там фигурируют базисные логические понятия истины (И) и лжи (Л). В этом смысле Лжец позволяет усомниться в надежности одной из составляющих фундамента всей нашей определенности – бинарной истинностной комбинаторики (другой его составляющей выступает арифметическая комбинаторика, или способность считать). Вместе с тем Лжец представляет собой весьма поучительный пример ситуации, фиксация которой в виде тезиса (1) лежит в основе проведенного нами рационального осмысления гетерологического парадокса. Это именно та ситуация, когда нечто, выгля-

дшащее как свойство, таковым не является. В символической форме ее можно выразить так:

$$Л() \neq Л(x). \quad (6)$$

Запись слева означает «выражение ложности», которое мы назвали псевдосвойством (предикатоподобной конструкцией), в отличие от традиционного представления о предикате ложности (запись справа).

Вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что в традиционной версии фразы Лжеца («это высказывание ложно») нет определенного субъекта логической оценки. Его приходится домысливать, что фактически означает признание логической недостроенности мысли при наличии грамматически полноценной языковой конструкции. Образно говоря, язык есть, а мысли нет. В результате домысливания субъектом ложности оказывается сама процедура языковой фиксации оценки «ложь», т.е. лингвистический акт. Его-то мы и склонны объявить (совершенно необоснованно) высказыванием, т.е. осмысленным выражением. Вне подобного домысливания нет никакой самоотнесенности, а значит, и парадокса.

Как видим, домысливание состоит в представлении выражения свойства ложности высказыванием, которое под вывеской «это высказывание» ставится на место переменной x , используемой для фиксации предиката ложности $Л(x)$.

Следующим шагом рационального осмысления гетерологического парадокса было уточнение (1*), гласящее, что не всегда выражение свойства совпадает с его прямым именованением. Применительно к Лжецу оно также кажется ясным и естественным, поскольку предостерегает от необоснованных попыток отождествить $Л()$ с $Л$, т.е. $const$ ложь. Символически:

$$Л() \neq Л. \quad (7)$$

Отметим, что нам вовсе не требуется строить 2 отдельные модели выполнимости (6) и (7). Экспликация требует лишь последнее разграничение, поскольку условие (6) выполняется автоматически, если сфера высказываний считается не пустой ($x \neq \emptyset$).

Анализируя требование (7), несложно убедиться в том, что его выполнение связано со способностью отличать свойство от предмета, не имеющего онтологического коррелята. Подобного рода искусство не может опираться на внелингвистические факторы, а потому на

должно эксплицироваться в терминах внелингвистической определенности. Здесь кажется естественным следующий ход рассуждений. Const Л – синоним ничто (противоречия, или сокращенно – *пртврч*). Единственным свойством ничто является его лингвистическая оболочка в виде слова из пяти букв. Следовательно, Л() – «визитная карточка» слова, т.е. лингвистического фактора как такового.

Парадокс Лжеца тем и замечателен, что не требует внелогических допущений. *Ложь, ложность – всего лишь различные свидетельства несуществования предметного содержания, что и позволяет истолковывать их как «лингвистические следы», как логические образы сугубо языковой (домыслительной) деятельности (говорения как такового)*. Не случайно слово «врать» в славянских языках долгое время считалось синонимом слова «говорить» и лишь относительно недавно обрело привычный смысл – «говорить неправду», «лгать» [31].

Ничто не мешает рассматривать «чистое говорение», т.е. «лингвистическую оболочку», как иновыражение феномена бессодержательности актов языкового поведения, для сокращенного обозначения которого будем использовать символ Н (как напоминание о том, что «бессодержательность» всего лишь другое название максимальной неопределенности языковых выражений, – вспомним пример с *глокой куздрой*). В соответствии с комментарием к тезису (2) положим рассматривать Н как *с.о.* Будучи *с.о.*, Н действительно не нуждается в чем-то отрицаемом, т.к. является отрицанием ничто, или несуществования, ассоциируемого с логическим пртврч (Л).

Заметим, что с момента провозглашения Н предметом исследовательского внимания неявно введена ситуация несамотождественности: Н не может быть ни логическим субъектом, ни предикатом в чистом виде; будучи истолкованным как нечто однозначное, Н теряет свою специфику. В самом деле, пока Н трактуется как предпосылка определенности, оно остается символом чистой потенции, ожиданием чего-то определенного. В этом качестве Н должно быть ограничено от пртврч. Но как только это осуществлено, мы уже имеем уточненную версию Н, т.е. $\varphi(N)$, запись которого свидетельствует, что выражение отличия Н от пртврч, отлично от самого Н. Символически: $N \& \varphi(N) \mathcal{B} R(N, \emptyset) \neq N$, где символ «пустого множества» обозначает пртврч, а R есть демонстрация различия графических рисунков стоящих в скобках буквенных изображений. Таким образом, Н обладает парадоксальным эффектом несамотождественности, т.е. иллюстрирует (4).

Чтобы проиллюстрировать применимость к ситуации Лжеца определения (5), поступим так. Назовем различие H и \emptyset минимальным (\min), имея в виду, что оно сконструировано прежде каких-либо иных определенностей, и рассмотрим синтаксическую версию этого $R\min$ в виде (7). Несложно убедиться, что $R\min$ соответствует различию местоположения одного и того же графического объекта L относительно скобок, т.е. соответствует примеру различного использования одного и того же искусственного предмета (буквы «Л»). Иными словами, открывается возможность истолковать $\min R$ как прямое определение свойства «быть одним и тем же», сдвинув с мертвой точки главную проблему оснований мышления – проблему понимания самождественности, в которую упирается обоснованность абстракции отождествления. Тем самым легитимируется и принцип обозначения – возможность отождествлять предметы с их именами. Описание дальнейших шагов разрешительной стратегии можно найти в нашей монографии [32].

Примечания

1. См.: *Вригт Г.Х., фон.* Гетерологический парадокс // Вригт Г.Х., фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. – М., 1986. – С. 449–482.
2. Там же. – С. 449.
3. *Френкель А., Бар-Хиллел Й.* Основания теории множеств. – М., 1968. – С. 24.
4. *Вригт Г.Х., фон.* Гетерологический парадокс. – С. 449–450.
5. Там же.
6. Там же. – С. 460.
7. Там же. – С. 465.
8. Там же. – С. 475.
9. Там же. – С. 450.
10. Там же. – С. 451.
11. Там же.
12. Там же. – С. 456.
13. Там же. – С. 460, 467, 474, 475.
14. Там же. – С. 478.
15. *Мадер В.А.* Методологические вопросы математики. – М., 1998. – С. 190.
16. Стоит обратить внимание на то, что выражения свойств, будучи предикатными знаками, могут быть отнесены к категории синкатегорематических выражений. Анализ этих сюжетов см.: *Кюнз Г.* Онтология и логический анализ языка. – М., 1999. – С. 188 и след.
17. Подробнее см.: *Головкин Н.В.* Картина мира и методологический реализм: теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки. – Новосибирск: Параллель, 2007. – С. 188–203.

18. Левин А. Современные тенденции развития семиотики // Логика и методология науки: Мат. к V Междунар. конгр. по логике, методологии и философии науки: Ч. III. – М., 1975. – С. 94.
19. См.: Черепанов С.К. Философия неопределенности: неопределенность и парадоксы. – Новосибирск, 2004.
20. Подчеркнем, что речь идет об определении существенного отрицания, а не само-го отрицания.
21. Похожие ситуации иногда называют импредикабельностью.
22. См.: Белякин Н.В. Логика и реальность // Методологические проблемы науки: Вычислительные системы. – Новосибирск, 1991. – Вып. 138. – С. 37.
23. К ним, помимо словацких и чешских исследователей надо отнести российского математика Н.В. Белякина и его учеников. Создателей многозначных неклассических логик, содержащих лишь идею ослабления классической истинностной определенности, мы не причисляем к апологетам неопределенности оснований, хотя огромное число трех-значных логик появилось вследствие попыток разрешения парадоксов. К сожалению, большинство этих попыток не выходят за рамки эпистемологии науки, а потому трактуют многочисленные проявления неразрешимости и релятивизма оснований как негатив, с которым надо бороться. Не надо! Сама попытка строго мыслить об отсутствии определенности оборачивается трансформацией неопределенности и становлением моментов определенности, генерированием информации.
24. Вopenка П. Альтернативная теория множеств. – Новосибирск, 2004. – С. 37–38.
25. Там же.
26. Там же. – С. 154.
27. Там же. – С. 38.
28. Там же.
29. Там же. – С. 127–128.
30. См. об этом: Черепанов С.К. Философия неопределенности: неопределенность и парадоксы. – Новосибирск, 2004.
31. Откущиков Ю. К истокам слова. – М., 1989. – С. 11.
32. См.: Черепанов С.К. Философия неопределенности...

Дата поступления 19.04.2011

Санкт-Петербургский университет
сервиса и экономики, г. Санкт-Петербург
sksk52@mail.ru

Cherepanov, S.K. The paradox of word: reflection on von Wright's article on the heterological paradox

The paper analyses the explanation of the heterological paradox proposed by von Wright. The author shows that von Wright's conclusions are ambiguous and proposes his own version revealing all the ambiguities from which von Wright kept away. As a result, the author formulates a specific archetype of semantic paradoxes, viz the paradox of non-self-identity which is declared to be a «visiting card» of the word as a linguistic phenomenon.

Keywords: uncertainty, non-self-identity, essential negativity, semantic paradox